

В. В. Абашев

УРАЛ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ГЕОПАНОРАМЕ (очерк М. В. Малахова в «Живописной России»)

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-59-67

УДК 82:94(470.5) ББК 84-46+63.3(235.55)

В статье впервые анализируется очерк М. В. Малахова «Уральский хребет», который открывает посвященный Уралу том издания «Живописная Россия» (1881–1901). Этот крупнейший в отечественном книгоиздании проект М. О. Вольфа рассматривается в статье в общеевропейском историко-культурном контексте XIX в. как выражение принципа панорамного видения, т. е. стремления к энциклопедическому охвату и наглядному представлению знаний подобно живописной панораме. В этом контексте «Живописная Россия» интерпретируется как опыт создания монументальной геопанорамы страны. Показано, что очерк М. В. Малахова, впервые представивший панораму Урала, отвечал концепции издания. Всеохватывающее видение повествователя эксплицировано в очерке метафорой взгляда с высоты птичьего полета. Такой эффект достигается описаниями подъема на горные вершины и видов, открывающихся с них. Панорамность как принцип организации повествования в очерке выразила общую тенденцию научного географического дискурса того времени, в котором подъем на вершины и зрительный охват панорамы ландшафта был условием достоверности знания. На основе сопоставления текста очерка с материалами научных экспедиций на Урал 1840–1870-х гг. показано, что М. В. Малахов включал в тело своего повествования обширные описательные фрагменты из трудов предшественников, используя их как часть общего и поэтому в какой-то степени анонимного уральского дискурса. Автор-повествователь позиционирует себя как носитель этого общего дискурса географических и геологических описаний Урала, что и гарантирует объективность его собственной геопанорамы. В очерке М. В. Малахова впервые представлена геопозитивная формула Урала, сочетающая базовые категории его описания — Урал как граница миров и как особое выделенное пространство, сосредоточенный в себе мир.

Ключевые слова: М. В. Малахов, М. О. Вольф, «Живописная Россия», панорамное видение, географический дискурс, Урал

Очерк Михаила Викторовича Малахова (1856–1885) «Уральский хребет» открывает уральский том «Живописной России».¹ Попытаемся определить роль этого очерка в формировании языка описания Урала. Он был написан в начале 1880-х гг., когда в очерковой литературе, прежде всего в путевой прозе Вас. И. Немировича-Данченко и Д. Н. Мамина-Сибиряка, формировался образ региона.² Сложность этой скромной и ограниченной задачи заключается в том, что оба предмета нашего интереса — издательский проект «Живописная Россия» (1881–1901) как самое масштабное самописание России XIX в. и дея-

тельность одного из десятков ее авторов — как ни странно, пребывают в зоне белых пятен нашей историографии. Поэтому, занимаясь очерком М. В. Малахова, мы, во-первых, совершим экскурсы как в биографию автора, так и в историю издательского проекта, во-вторых, предложим общую культурно-историческую перспективу, в контексте которой можно точнее уяснить культурный смысл проекта «Живописная Россия» и интенции создателя конкретного текста. Дополнительной целью работы является также актуализация круга источников, не привлекавших до сих пор того внимания, которого они заслуживают.

Фигура М. В. Малахова практически выпала из поля зрения исследователей истории Урала, его литературные опыты почти забыты. Имя его, конечно, сохранилось, но, помимо скупых энциклопедических справок,³ на сегодняшний день мы имеем единственную статью А. А. Формозова с кратким очерком жизни

¹ Малахов М. В. Уральский хребет // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1901. Т. 8, ч. 2. С. 1–35.

² См. об этом подробнее: Абашев В. В. Увидеть Урал: ландшафтные описания В. И. Немировича-Данченко и Д. Н. Мамина-Сибиряка // Урал. ист. вестн. 2016. № 1 (50). С. 25–31.

Абашев Владимир Васильевич — д.филол.н., заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь)
E-mail: vv_abashev@mail.ru

³ См.: Алексашенко Н. А. Малахов Михаил Викторович // Уральская историческая энциклопедия. URL: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-12-1212-malahov-mihail-viktorovich.html> (дата обращения: 25.12.2017).

и археологических изысканий М. В. Малахова.⁴ Между тем и личность, и деятельность этого человека заслуживают пристального внимания. Его жизненный путь мог бы дать материал для очерка по культурной антропологии России XIX в., а его вклад в культурное самоопределение Урала, как в научном, так и в литературном творчестве значителен и нуждается в осмыслении. М. В. Малахов прожил совсем немного, но вся сознательная часть его стремительной жизни, начиная со старших классов гимназии, была наполнена напряженным — до полной самоотдачи — творческим трудом по изучению и описанию Урала.

К этой миссии М. В. Малахов, коренной уралец, был подготовлен культурным строем своей семьи. Его дед, М. П. Малахов, был одним из ведущих архитекторов Екатеринбурга: под его руководством были построены в первой половине XIX в. самые значительные здания города в стиле классицизма. Отец, В. М. Малахов, служил управляющим Нижне-Исетского завода и участвовал в деятельности Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). «По преимуществу местный исследователь, глубоко любивший свою родину», как охарактеризовал его Д. Н. Мамин-Сибиряк,⁵ М. В. Малахов уже не был, как его предшественники, дилетантом. Его исследовательская деятельность на Урале была системной, в ее основе лежал продуманный план, получивший поддержку Императорского русского географического общества (ИРГО), членом-сотрудником которого он стал в 1879 г. Все летние экспедиции М. В. Малахова на Урал, в 1880, 1881 и 1882 гг., ИРГО обеспечивало денежными средствами и оборудованием.⁶ Его вклад в изучение Урала был признан и высоко оценен. В январе 1882 г. молодому ученому вручили малую золотую медаль «за прекрасные этнографические и антропологические наблюдения, произведенные во время его двухкратной поездки на средний и южный Урал».⁷ В обзоре полувекковой деятельности ИРГО вице-председатель общества П. П. Семенов посвятил рабо-

там М. В. Малахова сочувственные страницы и по достоинству оценил его вклад в комплексное изучение Урала.⁸

По мнению Д. Н. Мамина-Сибиряка, в познании Урала М. В. Малахов сыграл поворотную роль: если ранее, как выразился писатель, работа шла «в розницу без определенного плана и обмена идеями», то с приходом М. В. Малахова, явившегося «во всеоружии научного знания», началась «систематическая разработка края».⁹ Научная деятельность М. В. Малахова в духе естествознания того времени не была узко специализированной. Он занимался зоологическими, ботаническими, этнографическими наблюдениями, но в историю отечественной науки М. В. Малахов вошел как археолог. Он провел первые системные археологические исследования разных районов Урала, организовал многочисленные раскопки, обнаружив сотни древних артефактов, а также собрал значительное количество сведений об археологических памятниках Урала. Наконец, М. В. Малахов доказал ранее отрицавшееся существование на Урале культуры каменного века.¹⁰ Ученый привел собранные им археологические материалы «в начальную систему» и предложил «первую в отечественной науке периодизацию [уральских] древностей».¹¹

Все, кто знал М. В. Малахова, вспоминали о нем как о человеке редкого обаяния, воодушевленном миссией изучения Урала. «Стоило... послушать, — вспоминал Д. Н. Мамин-Сибиряк, — когда... [Михаил Викторович] начинал рассказывать о своих поездках по Уралу, о раскопках и приобретенных сокровищах — эта одушевляющая речь... увлекала слушающего так, что, кажется, взял бы да сам и отправился откапывать каменные стрелки, кремневые ножи...»¹²

Однако полевые исследования М. В. Малахова были прерваны. Работая осенью 1882 г. в районе Качканара, он «простудился и получил скоротечную чахотку».¹³ Последние годы

⁴ См.: Формозов А. А. Уралец Малахов // Вопр. истории. 1991. № 4/5. С. 171–174.

⁵ Сибиряк Д. Михаил Викторович Малахов: Некролог // Волж. вестн. 1885. 10 февраля. № 33.

⁶ См. решения Совета ИРГО о поддержке экспедиций М. В. Малахова: Журнал заседания Совета ИРГО 8 апреля 1880 г. // Изв. ИРГО. 1881. Т. 17. СПб., 1887. С. 26; Журнал заседания Совета ИРГО 12 мая 1881 г. // Изв. ИРГО. 1882. Т. 18. СПб., 1887. С. 120; Журнал заседания Совета ИРГО 29 апреля 1882 г. // Изв. ИРГО. 1882. Т. 18. СПб., 1887. С. 55.

⁷ Журнал заседания Совета ИРГО 15 января 1882 г. // Изв. ИРГО. 1882. Т. 18. СПб., 1887. С. 11.

⁸ См.: Семенов П. П. История полувекковой деятельности Императорского русского географического общества. 1845–1895. Ч. 2, отдел 4. СПб., 1896. С. 843–851.

⁹ Сибиряк Д. Указ. соч.

¹⁰ См.: Малахов М. В. О доисторических эпохах на Урале // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1887. Т. 11, вып. 1. С. 1–9.

¹¹ Формозов А. А. Указ. соч. С. 173. Сходную констатацию научных заслуг М. В. Малахова см. также: Оконникова Т. И. Формирование научно-исследовательских традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. — конец 40-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999.

¹² Сибиряк Д. Указ. соч.

¹³ Фаресов А. И. Забытая писательница и ее заслуги // Рус. старина. 1908. Т. 135, № 7–9. С. 644.

жизни молодого ученого, как с горечью писал Д. Н. Мамин-Сибиряк, были наполнены «отчаянной борьбой за существование»: ему «приходилось завоевывать себе каждый глоток воздуха». ¹⁴ Невозможность работать в поле, видимо, побудила М. В. Малахова попробовать сосредоточиться на литературной работе. Об этом вспоминала писательница Л. Х. Симонова, с которой, познакомившись в сибирском кружке Н. М. Ядринцева весной 1882 г., М. В. Малахов переписывался. «Не будучи... в состоянии заниматься науками, — писала она, — Михаил Викторович... удачно использовал свои силы в беллетристике, обратившись к воспоминаниям о своих путешествиях». ¹⁵ Надежды на литературную работу ободряли, видимо, и самого М. В. Малахова. «Следуя Вашему настроению (наставлению? — В. А.), — общал он Л. Х. Симоновой, — я взялся за перо и... надумал два небольших очерка: “Поездка на изумрудные копи” ¹⁶ и “Среди шишкарей” (кедровый промысел)». ¹⁷ Очерки М. В. Малахова, публиковавшиеся в журналах 1880-х гг. не лишены литературных достоинств, занимательны по материалу и типологически близки к обильной очерковой литературе 1880-х гг. с ее этнографическим и социологическим уклоном. Если научная работа М. В. Малахова хоть в какой-то мере известна, то его литературные опыты не привлекали внимания исследователей.

Очевидно, в этот же период, т. е. между 1882 и 1884 гг., М. В. Малахов стал одним из авторов «Живописной России» и написал очерки для уральского тома. Главным редактором «Живописной России» был хорошо знавший М. В. Малахова вице-председатель ИРГО П. П. Семенов, так что приглашение молодого ученого к участию в проекте, где уже работали многие члены общества, было закономерным. Активная деятельность М. В. Малахова в ИРГО принесла ему репутацию знатока Урала.

«Живописная Россия», бесспорно, была одним из самых масштабных издательских предприятий XIX в. Это был любимый замысел Маврикия Осиповича Вольфа (1825–1883), его «дорогое детище», амбициозный проект, задумывая который, крупнейший в то время

отечественный издатель не столько преследовал коммерческие цели, сколько надеялся, как он писал, «памятник... по себе оставить России». ¹⁸ Подготовительные работы к изданию начались в середине 1870-х гг., первые две книги вышли в 1881 г., а последняя, девятнадцатая по счету, увидела свет в 1901 г., уже после смерти издателя.

«Живописная Россия» задумывалась как «полнейшее (здесь и далее курсив наш — В. А.) ...сочинение по отчизноведению», призванное «доставить каждому русскому, искренно любящему свое отечество, *полную* возможность ознакомиться с Россией во всем разнообразии проявлений ее внутренней и внешней жизни». ¹⁹ Для этого «Живописная Россия» должна была «в одном стройном целом» представить «яркое изображение разнообразнейших картин природы нашего необъятного отечества <...> типов населяющих его разноплеменных народностей». ²⁰ В выполнении этой задачи предполагалось придерживаться принципов доступности и наглядности. Доступность должно было обеспечить изложением научных сведений с опорой на художественные возможности языка; наглядность — использованием иллюстраций. Издатели особенно подчеркивали кросс-медиаальный характер издания — объединение «живого слова» и «живого рисунка» в представлении отечества.

Интенции и смысл этого замысла, на наш взгляд, можно вполне уяснить только с учетом общеевропейского культурного контекста XIX в. Стремление издателей «Живописной России» доступно и наглядно «в одном стройном целом» представить все «разнообразнейшие картины... необъятного отечества» выражает тот принцип всеохватывающего панорамного видения, который, как полагал В. Беньямин, объединял такие феномены культуры и цивилизации XIX в., как панорамная живопись, физиологический очерк («панорамная литература»), пассажи, всемирные выставки, энциклопедии и музеи. ²¹ Это стремление к энциклопедическому охвату и наглядному представлению образов и знаний — как в

¹⁴ Сибиряк Д. Указ. соч.

¹⁵ Симонова Л. Х. Михаил Викторович Малахов // Ежегод. обозрение. 1885. № 101. Стб. 536.

¹⁶ Малахов М. В. На Урале (поездка на изумрудные копи) // Ежегод. обозрение. 1884. Т. 1, № 8. Стб. 247–250; № 9. Стб. 278–283.

¹⁷ Фаресов А. И. Указ. соч. // Рус. старина. 1908. Т. 136, № 10–12. С. 218, 219.

¹⁸ Живописная Россия. СПб., 1881. Т. 1, ч. 1. С. VII.

¹⁹ Заключительный очерк: История «Живописной России» // Живописная Россия. СПб., 1901. Т. 8, ч. 2. С. 301, 293.

²⁰ Там же.

²¹ Беньямин В. Бодлер. М., 2015. С. 37–39 и далее; Он же. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996. С. 141–151.

панораме с ее принципом видения «La Nature à Coup d' Oeil» («вся природа одним взглядом»), по определению создателя панорамы Роберта Баркера. В обозначенной историко-культурной перспективе издательский проект «Живописная Россия» можно интерпретировать как опыт создания монументальной гео-панорамы России.

Издание, задуманное М. О. Вольфом, многие годы проработавшим в крупных книго-торговых и издательских компаниях в Париже и Лейпциге,²² опиралось на европейские прецеденты. «Кто не восхищался разными “France pittoresque”²³ и другими подобными изданиями и кто не чувствовал отсутствия чего-либо подобного у нас на Руси?» По мысли М. О. Вольфа, его проект должен был «ответить назревшей потребности ознакомления с Россией».²⁴

Очерк М. В. Малахова «Уральский хребет», к анализу которого мы переходим, на наш взгляд, полностью соответствовал концепции «Живописной России». Хотя у нас не было пока возможности проследить редакционную историю очерка документально, но в том, что он принадлежит перу нашего героя, сомнений нет. В 11-м томе Записок УОЛЕ, посвященном памяти М. В. Малахова, были опубликованы рукописи молодого ученого. Некоторые из них представляют собой завершённые заготовки для «Живописной России».²⁵

Очерк М. В. Малахова предваряется эпиграфом — строками популярной в те годы поэмы К. К. Случевского «В снегах» (1879). В ее начальных строках развертывается образ «хмурой, скалистой» горной цепи, протянувшейся от южных степей до Ледовитого океана, от «острых рогов Таганая» до сползающих к морю «плоских тундр».²⁶ Строки К. К. Случевского стали для М. В. Малахова своего рода поэтическим ключом к написанию очерка. Они подсказали ему структуру компактного вступления, вобравшего в себя ведущие художественные мотивы последующего описания. Приведем это вступление полностью:

«На рубеже Европы и Азии, среди однообразно унылых равнин российской и западно-сибирской, восстал с дальнего севера каменистый кряж гор и раскинулся, пройдя широкую и раздольную Русь-матушку, до полуденных стран. Этот земной пояс, как его иногда величают, известный в глубокой еще древности под именем Рифей, служивший воротами для многочисленных полчищ двигавшихся в Европу народов, несет название Уральских гор и служит естественной границей между двумя частями света. Не мощна ширина хребта, зато взял он свою длину. Обнажив на крайнем севере, среди мертвенной приниженной тундры, свои величественно-мрачные, неприветливые скалы, он подставил их под тщетные удары вечно-плещущихся хладных волн Ледовитого океана, а на дальнем полудне Урал закончился менее грозной возвышенностью Усть-Урт, которая одиноко стоит среди песчаной пустыни и молчаливо вслушивается в отдаленный плеск вод Каспия».²⁷

Следуя за К. Случевским, М. В. Малахов развертывает описание по меридиональной оси север–юг, но, в отличие от поэта, фокусирует рассеянные в поэме имплицитные гео-этические значения и концептуализирует их, и в этом его новаторство. Автор очерка пользуется вполне тривиальной художественной топикой, но его компактное описание Урала достигает здесь такой степени художественной концентрации, что становится геопоэтической формулой горной страны, лаконично и ясно предьявляя тесно взаимосвязанные базовые категории его самоописания: Урал — это и граница миров, и особая страна. Географический факт пограничности Урала у М. В. Малахова осмысливается символически, что подчеркивается средствами эмоциональной эмфазы. Это грандиозный, от моря и до моря протянувшийся рубеж двух миров — Европы и Азии.

Вторую категорию описания Урала, связанную с первой, но имеющую собственную семантику, можно сформулировать как его ярко выраженную особость и обособленность. Урал — это страна, его особость подчеркивается резким противопоставлением окружающим пространствам — «однообразно унылым равнинам российской и западно-сибирской». Урал, иными словами, мыслится как особое, выделенное пространство, как сосредоточенный в себе мир. В дальнейшем эти категории,

²² См.: Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Петроград; М., 1916. С. 447–448.

²³ Hugo A. France pittoresque et monumentale ou description pittoresque, topographique et statistique des départements et colonies de la France: 3 vols. Delloye, Paris, 1835.

²⁴ Заключительный очерк... С. 294, 293.

²⁵ См.: Малахов М. В. Уральские горы // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1887. Т. 11, вып. 1. С. 18–28.

²⁶ Случевский К. К. В снегах. СПб., 1879. С. 1.

²⁷ Малахов М. В. Уральский хребет. С. 1.

ясно выраженные у М. В. Малахова, лягут в основу известных художественных формул Урала, таких, как «опорный край державы» и «хребет России». Ни Вас. И. Немирович-Данченко, ни Д. Н. Мамин-Сибиряк, современники М. В. Малахова, путевые очерки которых в то же время открывали Урал для России, не формулировали эти категории так отчетливо.

Повествование в очерке М. В. Малахова организуется воображаемым путешествием вдоль Уральского хребта с севера на юг. Эффект движения вдоль хребта поддерживается обозначением вех движения, своего рода дискурсивных маркеров путешествия: «Оставляя дикий северный Урал, мы вступаем в царство руд и металлов, в так называемый средний или рудный Урал»; «прежде чем достигнем мы южной границы среднего Урала... наше внимание невольно привлечено будет участками отрогов: Каслинским и Кыштымским Уралом»; «переступив южную границу Пермской губернии, мы переходим в область южного Урала»²⁸ и т. п.

Другая особенность организации повествования состоит в вертикальной динамике точки зрения повествователя. В своем пределе она эксплицируется метафорой птичьего полета: «С высоты птичьего полета Урал... имеет вид большого моря с застывшими волнами»; «на высоте птичьего полета можно бы увидеть, что... озера расположены тремя ниспадающими ярусами».²⁹ Примеры прямой метафорической экспликации точки зрения немногочисленны, но именно взгляд «с высоты птичьего полета» имплицитно организует повествование: «Хребет здесь наподобие лучей веера, как бы из одного горного узла — от обширного вздутия горы Юрмы, — дает... ветви на запад и восток, прорезанные продольными долинами».³⁰

Взгляд с «высоты птичьего полета» и обеспечивает эффект панорамности изображения в очерке М. В. Малахова. Автор создает впечатление непосредственного визуального охвата Уральского хребта на всем его протяжении. Этот эффект достигается описаниями подъема на горные вершины и видов, открывающихся с них. Именно панорамные виды определяют поэтику очерка М. В. Малахова. Вот одно из подобных, не лишенных суровой выразительности, описаний: «Во все стороны виднеется бесконечный ряд гор, рассеянных в беспоряд-

ке... Резко выделяются на ближайших горах каменные россыпи <...> На дальнем западе можно проследить раскинувшийся с востока на запад отрог Урала Кваркуш, идущий по левому берегу реки Улса, вплоть до впадения ее в Вишеру. Берега последней, изливающей свои воды в реку Колву, живописны и дики, представляя собою ряд грандиозных утесов на протяжении свыше трехсот верст...»³¹

Стоит подчеркнуть, что тенденция к панорамности как принципу организации повествования не была индивидуальным стилевым качеством М. В. Малахова. Напротив, это стремление выразило общую тенденцию научного географического дискурса того времени. Шарлотта Бигг, изучавшая «миграцию» техник наблюдения из научной сферы в общий культурный обиход, писала, что для европейских естествоиспытателей конца XVIII — начала XIX в., исследовавших Альпы, «восхождение на вершины, вид сверху, является фундаментальной особенностью этого (нового исследовательского — В. А.) опыта, обеспечивая им преимущественный доступ к знанию».³² Иными словами, восхождение на горные вершины и, тем самым, доступ к панорамному обзору ландшафта имели не только эстетическую ценность, но и эпистемологическое значение. Подъем на вершину и зрительный охват панорамы окрестностей были условием достоверности понимания «внутренней логики» ландшафта. В плане техники нарратива описание подъема на горные вершины и видов, открывающихся с них, было условием научной достоверности сведений. Эстетическое и эпистемологическое начала здесь совмещались. Как писал М. В. Малахов в одном из своих литературных опытов, «все неудобства странствований по уральским первобытным дорогам... вознаграждаются с лихвой при... подъеме на одну из величавых вершин Урала <...> Один вид на окрестные могучие, грозные и нетронутые еще картины уральской природы заставляет забывать все это; впечатление так цельно, так своеобразно, сильно, так глубоко западает в душу, что долго не можешь оторваться и отвести глаз от этой величественной девственной природы».³³

²⁸ Там же. С. 18, 27, 29.

²⁹ Там же. С. 2, 27.

³⁰ Там же. С. 29.

³¹ Там же. С. 21.

³² Bigg C. The panorama, or la nature à coup d'oeil // Observing nature — representing experience: The osmotic dynamics of Romanticism, 1800–1850. Berlin, 2007. P. 77.

³³ Малахов М. В. На золотом прииске // Ист. вестн. 1880. Т. 2. С. 732, 733.

Наконец, важной особенностью очерка является широкое использование М. В. Малаховым фрагментов из сочинений своих предшественников и современников — натуралистов, исследовавших Урал. В описание своего воображаемого путешествия вдоль Уральского хребта М. В. Малахов инкорпорирует выразительные ландшафтные и маршрутные описания из нескольких источников. Из выявленных нами это прежде всего записки геолога и географа Э. К. Гофмана и астронома М. А. Ковальского — участников комплексных экспедиций ИРГО на Северный и Полярный Урал в 1847, 1848 и 1850 гг.;³⁴ отчет о поездке на Северный Урал в 1872 г. миколога Н. В. Сорокина;³⁵ очерки о природе и фауне Южного Урала зоолога Л. П. Сабанеева;³⁶ описание путешествия по Уралу первооткрывателя пермской геологической системы Р. Мурчисона.³⁷

Важно отметить, что, включая в повествование объемные фрагменты чужого текста, М. В. Малахов нередко не маркировал их границы, а порой и не ссылался на их авторов. Так, например, безымянным осталось описание берега Ледовитого океана, хотя оно заимствовано из записок Э. К. Гофмана.³⁸ Еще более разительный пример — описание особенностей уральской тайги и трудностей, которые встречают здесь путешественника. В значительной части оно построено на заимствованиях из очерка Н. В. Сорокина, правда фрагменты перегруппированы и разбавлены авторскими описаниями, при этом отсылки к источнику отсутствуют.³⁹ В результате читатель в ряде случаев не замечает границ авторского и чужого слова в очерке, но, в целом, очерк остается стилистически однородным.

Как оценить такое «бесцеремонное», на взгляд современного исследователя, обращение с чужим текстом? К сожалению, не имея

пока возможности документально изучить редакционную историю очерка М. В. Малахова, мы не можем решить окончательно, является ли отмеченная черта проявлением сознательной авторской установки или объясняется небрежностью редактора, готовившего к печати не вполне завершённый текст покойного автора. Однако у нас есть основания предположить, что мы имеем дело все же с авторской установкой, с одной стороны, и с особенностями отечественного научного (уточним — географического) дискурса XIX в. — с другой.

Сопоставление заимствованных фрагментов в тексте «Живописной России» с их источниками показывает, что М. В. Малахов не цитировал их буквально, а редактировал в соответствии с логикой собственного повествования. Характер этого редактирования можно показать, сравнив описания реки Щугор и водопада Вельдор-Кырта-Ель в «Живописной России» и у Э. К. Гофмана, из записок которого этот фрагмент заимствован.⁴⁰ М. В. Малахов не только значительно сократил его, но и изменил его последовательность. Если Э. К. Гофман описывает Щугор, двигаясь от устья к верховьям, с востока на запад, то М. В. Малахов, следуя маршруту своего воображаемого путешествия, наоборот, спускается по Щугору от его истоков, с запада на восток. Меняется и коммуникативная структура текста Э. К. Гофмана. В его записках повествование ведется от первого лица и, соответственно, местоимение «мы» у него означает «я и мои спутники по экспедиции». Инкорпорируя описание Э. К. Гофмана в свой очерк, М. В. Малахов меняет субъектную структуру инстанции повествователя, соединяя рассказчика и читателя: «мы» в очерке — это автор и читатель в их воображаемом путешествии вдоль Уральского хребта.

В других случаях М. В. Малахов, используя чужой текст, смещает смысловые акценты в соответствии с интенциями собственного повествования. Пример такой тактики инкорпорации чужого текста дает сравнение описаний горы Тельпос в записках Э. К. Гофмана и в очерке М. В. Малахова.⁴¹ Если первый лишь безоценочно фиксирует наличие языческих поверий, связанных с горой, то у второго мотив разрастается и получает эмоциональную окраску. Этот смысловой сдвиг связан с характерным для

³⁴ См.: Гофман Э. К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1856. Т. 2. С. 9–210; Ковальский М. А. Обзор путешествия по Северному Уралу и прилегающим ему местам в 1847, 1848 и 1849 годах // Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1853. Т. 1. С. IX–XXXIII.

³⁵ См.: Сорокин Н. В. Путешествие к Вогулам // Тр. о-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. Казань, 1873. Т. 3, № 4. С. 9, 12, 13

³⁶ См.: Сабанеев Л. П. Жизнь рыб и рыболовство на зауральских озерах. М., 1874.

³⁷ См.: Мурчисон Р., Вернейль Э., Кейзерлинг А. Геологическое описание европейской России и хребта Уральского. СПб., 1849. Ч. 2.

³⁸ Ср.: Гофман Э. К. Указ. соч. С. 145; Малахов М. В. Уральский хребет. С. 5.

³⁹ Ср.: Малахов М. В. Уральский хребет. С. 15–18; Сорокин Н. В. Указ. соч. С. 9, 12, 13.

⁴⁰ Ср.: Малахов М. В. Уральский хребет. С. 8; Гофман Э. К. Указ. соч. С. 75–77.

⁴¹ Ср.: Гофман Э. К. Указ. соч. С. 79; Малахов М. В. Уральский хребет. С. 9.

очерка М. В. Малахова подчеркиванием древности Урала и присутствия языческого субстрата в истории его урочищ.

Возникает вопрос: почему М. В. Малахов в своем очерке использовал чужие тексты, если многие районы Урала были ему известны по собственным путешествиям? «Чтобы хотя в общих чертах познакомиться с природою Урала, — писал он в предварительных набросках очерка, — я посетил последовательно северный, средний и южный... побывал в его альпийской области, которую несут как грозные... сопки севера, так и мягкие, живописные и величественные шиханы юга; посетил также озера и... степи, окаймляющие южные предгорья хребта».⁴² В экспедиции 1882 г., например, М. В. Малахов исследовал район горы Качканар. Однако, описывая подъем на Качканар в очерке, он использовал не собственные впечатления, а фрагмент из труда Р. Мурчисона.⁴³ Кажется, прямой персонализации впечатлений М. В. Малахов избегал сознательно. В этом отношении показательным то, как он изменил описание собственного подъема на Петропавловский камень и вида с его вершины. «Живо помнится мне подъем на... сопку близ реки Вагран»,⁴⁴ — так вводилось описание в посмертно опубликованных набросках. В «Живописной России» повествование от первого лица меняется на безличное: «Живо представляется подъем на... сопку, близ р. Вагран...»⁴⁵

На основе наших наблюдений по поводу использования чужих текстов можно предположить, что М. В. Малахов включает в тело своего повествования описательные фрагменты предшественников словно бы в качестве материала — как массивы некоего общего и поэтому в какой-то степени анонимного уральского дискурса, где личное авторство вторично. В таком случае автор-повествователь позиционирует себя как носитель общего дискурса географических и геологических описаний Урала, что и гарантирует объективность его собственной геопанорамы Урала.

Анализ очерка М. В. Малахова ставит нас перед важной проблемой в исследовании ли-

тературного процесса. Его пример наглядно демонстрирует пересечение собственного литературного и научного (в данном случае — географического) дискурсов в культуре XIX в. Как правило, когда речь идет о процессе становления языков описания территорий, материалом исследования становится преимущественно художественная литература. Между тем дневники и записки ученых-натуралистов, рассматриваемые преимущественно в качестве ценных исторических источников, имеют также и литературную ценность.⁴⁶ Приведем пример, когда сравнение ученого приобрело литературную судьбу. Описывая Полюдов камень, М. А. Ковальский, вероятно, первым сравнил его очертания с абрисом постамента Медного всадника.⁴⁷ Его записки стали источником тропа, потенциально обладавшего глубоким символизмом и ставшего мало-помалу общим местом описаний окрестностей Чердыни. Стоит сравнить его использование Д. Н. Маминим-Сибиряком в очерке «Старая Пермь», а далее в газетных травелогах конца XIX — начала XX в.⁴⁸

И здесь возникает методологическая проблема, указанием на которую мы и завершим наш очерк. Подходя к изучению таких комплексных историко-культурных проблем, как процессы становления образов территорий и формирования языков их описания, мы неосознанно проецируем на XIX в. современное разграничение собственно литературно-художественного и научного дискурсов, тогда как для словесности XIX столетия такое разграничение нерелевантно. Для ученых-географов, выросших в культурной парадигме XIX в., связь географического письма с искусством была естественной. Характерен в этом смысле тот факт, что В. П. Семенов-Тянь-Шанский в своем обобщающем методологическом труде связям научной географии с искусством посвятил специальную главу, подчеркивая близость географического письма художественной прозы,

⁴² Малахов М. В. Уральские горы. С. 21.

⁴³ Ср.: Мурчисон Р., Вернейль Э., Кейзерлинг А. Указ. соч. С. 109, 110; Малахов М. В. Уральский хребет. С. 26. Возможно, М. В. Малахов цитировал этот фрагмент по словарю Н. К. Чупина. См.: Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873. С. 149.

⁴⁴ Малахов М. В. Уральские горы. С. 38.

⁴⁵ Малахов М. В. Уральский хребет. С. 21.

⁴⁶ Работы, в которых анализируются материалы научных экспедиций по Уралу, единичны. См.: Анисимов К. В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV—XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С. 21—51; Власова Е. Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 2. С. 159—171.

⁴⁷ См.: Ковальский М. А. Указ. соч. С. X.

⁴⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь // Вестн. Европы. 1889. № 7. С. 84. Ср. также: Мейер Ф. По Вишере: Из путевых набросков // Перм. губерн. ведомости. 1898. 8 янв. С. 2; Вышеславцев В. И. Очерк из путешествия к Уралу по реке Вишере // Там же. 1895. 1 дек. С. 2; Н. В глуши: Из путевых заметок // Там же. 1895. 21 марта. С. 2.

поскольку в «землеведении и страноведении огромную роль играет описательный элемент, представляемый словом». Таким образом, художественная проза оказывается «особенно близкой к чисто научному географическому описанию».⁴⁹

В такой перспективе письмо М. В. Малахова представляется образцом вполне типичного для эпохи дискурсивного мышления, не разделяющего научное и художественное описание и, как следствие, свое и чужое в авторском тексте. Такая «типичность» не умаляет достоинств литературной работы рано ушедшего

из жизни ученого и беллетриста, его личного вклада в историю и географию Урала, вклада, который вызывает к вниманию исследователей региональной культуры. На начальном этапе изучения наследия М. В. Малахова нам важно было уловить специфику дискурса, нашедшего выразительное воплощение в несправедливо обойденном вниманием ученых издании «Живописная Россия»: его детерминированность видением эпохи (культурой панорамного описания), синкретизмом научного и художественного, нацеленность на целостное описание территории.

Vladimir V. Abashev

Doctor of Philological Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: vv_abashev@mail.ru

THE URALS IN A MONUMENTAL GEOPANORAMA: MIKHAIL V. MALAKHOV'S
ESSAY IN "ZHIVOPISNAYA ROSSIYA" ["PICTURESQUE RUSSIA"]

The article examines the essay "Ural'sky Khrebet" [The Ural Ridge] by M. V. Malakhov that opens one of the nineteen volumes of the encyclopaedic publication "Zhivopisnaya Rossiya" [Picturesque Russia] (1881–1901). Being the largest in the history of the Russian publishing industry, this project is considered in the article in the context of the 19th century pan-European historical and cultural discourse as a manifestation of the principle of panoramic vision: the strive for encyclopedic coverage and pictorial presentation of knowledge similar to a panorama. In this context "Zhivopisnaya Rossiya" is interpreted as an experience of creating a monumental geopanorama of the country. It is shown that Malakhov's essay, having been the first to introduce the panorama of the Urals, conformed to the overall concept of the publication. The all-embracing panoramic vision of the narrator is explicated in the essay through the metaphor of a bird's eye view. This effect is achieved by descriptions of the ascent to mountain peaks and views opening from these. Panorama as the principle of the narrative organization in Malakhov's essay expressed the general tendency of the scientific geographical discourse of the time in which the ascent to the peaks and the visual coverage of the landscape panorama was a condition for the reliability of vision. Basing on the comparison of the essay with the materials of scientific expeditions to the Urals in the 1840–1870s, it is shown that in the body of his narrative M. V. Malakhov included extensive descriptive fragments of his predecessors, using them as part of the general, and therefore to some extent anonymous, Ural discourse. The author/narrator presents himself as the bearer of this general discourse of geographic and geological descriptions of the Urals, which guarantees the objectivity of his own geopanorama. The essay of M. V. Malakhov presented for the first time the geopolitical formula of the Urals, combining the basic categories of its description: the Urals as the boundary of the worlds, and as a special detached space, a world concentrated on itself.

Key words: *M. V. Malakhov, M. O. Wolff, "Zhivopisnaya Rossiya", panoramic vision, geographic discourse, Ural*

REFERENCES

- Abashev V. V. [To see the Urals: landscape descriptions of V. I. Nemirovich-Danchenko and D. N. Mamin-Sibiriyak]. *Ural'skij istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 1, vol. 50, pp. 25–31. (in Russ.).
- Aleksashenko N. A. [Malakhov Michael Viktorovich]. *Uralskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. Available at: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-12-1212-malahov-mihail-viktorovich.html> (accessed: 25.12.2017). (in Russ.).

⁴⁹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л., 1928. С. 267.

Anisimov K. V. [Ural through the eyes of travelers: mythopoetics, ideology, ethnography]. *Literaturnyy protsess na Urale v kontekste istoriko-kulturnykh vzaimodeystviy: konets XIV–XVIII vv.* [Literary process in the Urals in the context of historical and cultural interactions: the end of the 14th–18th centuries]. Ekaterinburg: UrO RAN; ID “Soyuz pisateley” Publ., 2006, pp. 21–51. (in Russ.).

Benyamin V. [Paris, the capital of the 19th century]. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The work of art in the era of its technical reproducibility]. Moscow: Medium Publ., 1996, pp. 141–162. (in Russ.).

Benyamin V. *Bodler* [Baudelaire]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2015, 224 p. (in Russ.).

Bigg C. [The panorama, or la nature à coup d’oeil]. *Observing nature – representing experience: The osmotic dynamics of Romanticism, 1800–1850*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, 2007, pp. 73–95. (in English).

Formozov A. A. [Uralets Malakhov]. *Voprosy istorii* [Voprosy istorii], 1991, no. 4–5, pp. 171–174. (in Russ.).

Okonnikova T. I. *Formirovanie nauchno-issledovatel'skikh traditsiy v arkhologii Prikamya (60-e gg. XIX v. – konets 40-kh gg. XX v.): avtoref. kand. diss.* [Formation of scientific and research traditions in the archeology of the Kama region (60s of the 19th century – the end of the 40s of the 20th century): Abst. Diss. Cand.]. Izhevsk, 1999, 24 p. (in Russ.).

Semenov-Tyan-Shanskiy V. P. *Rayon i strana* [Region and country]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928, 312 p. (in Russ.).

Vlasova Ye. G. [At the origins of the image of the Urals: reports on the scientific journeys of the late 18th century]. *Kulturnaya i gumanitarnaya geografiya* [Cultural Geography & Geohumanities], 2013, no. 2, vol. 2, pp. 159–171. (in Russ.).